

ИВАНА БРИЛИЧ-МАЖУРАНИЧ

СКАЗКИ ДАВНЕГО ВРЕМЕНИ

Ивана Брилич-Мажуранич
Сказки давнего времени

«Остеон-Групп»

1916

Брилич-Мажуранич И.

Сказки давнего времени / И. Брилич-Мажуранич — «Остеон-Групп» , 1916

Сборник сказок хорватской сказочницы, в которых сочетаются глубокое познание детской психологии, богатое воображение и легкий слог. В сказках Иваны Брилич-Мажуранич оживают старославянские легенды с яркими запоминающимися образами и незабываемыми героями.

© Брилич-Мажуранич И., 1916

© «Остеон-Групп» , 1916

Содержание

Почему я перевел «Сказки»	6
От автора. Происхождение «СКАЗОК»	8
Сказка первая	10
I	10
II	14
III	16
IV	18
V	20
VI	21
VII	23
VIII	25
Сказка вторая	26
I	26
II	33
III	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ивана Брлич-Мажуранич

Сказки давнего времени

Иллюстрации: В. Кирина

Почему я перевел «Сказки»

Хорватская художественная литература совершенно неизвестна русскому читателю, несмотря на то, что она богата яркими именами. Малая ее распространенность за пределами Югославии объясняется исключительно почти недоступностью сербохорватского языка, тогда как художественные ее достоинства дают ей право на внимание читательских кругов, даже и не зараженных мыслями о необходимости духовного единения славян между собой.

Одной из виднейших представительниц хорватской литературы является автор предлагаемой книги Ивана Брилич-Мажуранич, внучка знаменитого поэта Ивана Мажуранича, неоднократно переводившегося на русский язык. Вступив на литературное поприще больше двадцати пяти лет назад, она написала длинный ряд различных по содержанию, темам, форме, но одинаково талантливых книг, среди которых первое место занимают «Сказки давнего времени», – это наиболее зрелое и законченное произведение, с особой яркостью и полнотой воплотившее многообразный творческий лик автора.

По темам и целям будучи преимущественно детской писательницей, Брилич-Мажуранич представляет, однако, интерес для читателей всех возрастов. Своим тонким вкусом, подкупающей искренностью, возвышенным, полным истинной художественности лиризмом, но без сентиментальности, чуткостью, любвеобилием, подлинной культурностью, житейской умудренностью, моральной насыщенностью, но без тенденциозности, легкостью, богатством, изяществом языка и занятностью сюжета – она близка, понятна и ценна не только для наивных, неумоимо любопытных малышей, но и для взрослых, уставших от жизненных невзгод и испытаний.

«Сказки давнего времени» в течение короткого времени были переведены на многие европейские языки и имели шумный успех не только у критики, но и у читателей. Особо нужно отметить необычайно теплый прием оказанный им в скандинавских странах и в Англии, имеющих свою собственную богатейшую детскую литературу. Ярko же выраженный славянский дух и характер этих «Сказок» оправдывает их перевод на русский язык.

В своей «Автобиографии» талантливая писательница так говорить о корнях и целях своих «Сказок»: – «У меня было стремление в совершенно свободный замысел этих сказок вплести названия, образы и дух древней хорватской и общеславянской мифологии».

Автор сумел здесь искусно воплотить, как самый дух славянский, так и фольклор, но без точно конкретных территориально-временных и национальных данных. Внеся в круг общеславянских мыслей, настроений и фактов ряд имен и явлений хорватской мифологии, автор их сплетает в красивый и красочный узор. Мысли, чувства, явления хорватские, всеславянские и общечеловеческие, направленные по общему руслу, сливаются вместе и дают увлекательную картину, пеструю по своему фактическому составу, но единую по внутренней сущности.

Будучи произведением ярко-оригинальным и индивидуальным в формальном и внутреннем смысле, «Сказки» навеяны, однако, всем богатым прошлым славянства. Свободные от конкретных литературных влияний, они тесно связаны с самой душой славянства. Этой внутренней связью, крепче стальных цепей, они неотделимо слиты со славянством, всем многочисленным ветвям которого одинаково близки и понятны. Автор сам указывает, что в них нашли свое выражение «сказания, предвидения, надежды, верования и поверья всей души славянского племени». Большой знаток славянской мифологии и сам автор прекрасных сказок Е. Н. Чириков в письме к пишущему эти строки говорит: «Мораль сказки так типична для славянства! Родной черт чувствуется! Такая огромная разница с европейским... Автор удивительно схватил форму народной мудрости, простую, но глубокую. Не нахожу ничего общего с «1001 ночью» и со сказками Гримм! У восточных сказок специфический аромат и пряность Востока, у второго – замысловатость сюжета и отсутствие глубинности. К Андерсену поближе,

но все же это не то. Это чисто славянское! По замыслу несколько Толстовское (христианская мораль), но лучше его по отсутствию грубой торчащей тенденции».

Дыхание давно минувших времен чувствуется в этих сказках, овеванных тонким сплетением выдумки с преображенными фактами мистическо-реальной жизни. Строгий в оценках А. И. Куприн «нашел их внутреннее содержание прекрасным, поучительным и полным здорового и крепкого смысла. Дух чисто-славянской широты, мягкости, тонкого юмора, легкой иронии, высокой морали, светлой интимности и женской сердечности придает подлинное очарование этим сказкам, делая их желанными и долгожданнами гостями в русской художественной (и не только детской) литературе.

Оттого-то я и перевел на русский язык эту книгу, в каковой работе близким, деятельным и неоценимым сотрудником моим был сын писательницы д-р И. И. Брилич.

Николай Федоров
Загреб, ноябрь 1930 г.

От автора. Происхождение «СКАЗОК» (Письмо автора)

Дорогой Иво!

Из письма г-жи Х. (которое тебе при сем возвращаю) вижу, что произошло то, что я уже давно предчувствовала. Книга «Сказки давнего времени» уже имеют свою судьбу! И эта судьба – ну, не пугайся! – подобна судьбе Гомеровских произведений, с той только разницей, что на этот раз она создается в ускоренном темпе 100:1! Едва только прошло 10 лет со времени выхода сказок, а уже большинство читателей спрашивает: кто написал эти сказки? народ ли? масса? или отдельный человек? «Но Гомер человек ли? живое существо? индивидуум? или он фикция? легенда? символ? дух народной поэзии? – Эту аналогию, которую я (если позволит судьба) через несколько столетий с благодарностью и радостью приму, как высший ее дар, сейчас, однако, скромно хочу отклонить.

Удачные или нет, «Сказки» эти со всеми их недостатками и достоинствами, как в своем существе, так и по обработке, совершенно и в полной мере мое оригинальное произведение. Они созданы на основе имен и образов, взятых из славянской мифологии и это есть единственная внешняя связь, которую они имеют с народным мифологическим преданием. Ни одна картина или фабула, ни одно развитие или освещение сюжета в этих сказках не найдены готовыми в нашей мифологии. В конце концов, кто хотя бы немного занимался изучением мифологии, тот знает, что наша славянская мифология в своей совокупности представляет, к сожалению, собрание почти ничем не связанных догадок, остатки разрушенного здания, из которых выделяются, словно колонны, только имена.

Совсем иначе обстоят дела с вопросом о внутренней связи, которую «Сказки давнего времени» имеют с народной поэзией. С этой точки зрения эти мои сказки в действительности не мои и являются сказаниями, видениями, надеждами, верованиями и упованиями совокупной души славянского племени. Из славянской земли и воздуха, из белых испарений славянских рек и морей, из славянских снегов и вьюг, из жита славянских полей – создается и обновляется наше тело – тело всех нас Славян. А из славянских чувств, стремлений, славянских взглядов и выводов состоит наша душа. Когда нам удастся совершенно углубиться в себя и написать нечто, что непосредственно идет из сердца нашего, тогда все, что в результате этого написано, является подлинной славянской поэзией. Во имя этого и с этой стороны я с радостью соглашаюсь с тем, чтобы имя автора не замечали (хотя оно ясно обозначено на каждом экземпляре «Сказок давнего времени») и говорили: «Так вот и об этом вот рассказывает душа славянского племени».

О практической стороне генезиса «Сказок» меня уже часто спрашивали. Слово «генезис» мне кажется слишком ученым. Оно разрушает суть «сказки». И все-таки я могу вспомнить, что с этим генезисом в действительности были так:

Однажды, зимним вечером, дом наш против обыкновения был совершенно тих. Нигде никого, большие комнаты, всюду полутьма, таинственное настроение, в печах огонь. Из последней комнаты – большой столовой – послышалось вдруг: куц! куц! – «Кто там?» спросила я. Никакого ответа! Опять: куц! куц! – «Кто там?» – и опять ничего. С какой-то тихой боязнью я вошла в большую столовую и вдруг: треск, удар, небольшой взрыв! В большом камине треснуло на огне сосновое полено – из дверцы камина навстречу мне вылетели искорки подобно рою звездочек; а когда я простерла руки, чтобы схватить этот живой, золотой подарок наших очагов, искорки взлетели под высокий свод и исчезли! – В это время я читала «Воззрения древних славян на природу» Афанасьева – и в этот момент мне пришел на ум «домовой». Итак, тот рой искорок – звездочек я все же изловила и вот они в «Стриборовом лесе», который

появился только благодаря им. После этой сказки появились и остальные семь – без какого – либо особого генезиса; они, как и «Стриборов лес», вылетели подобно ясным искоркам из очага одного древнего славянского дома.

Жаль, что таким путем приходится объяснять то, чему подлинный и основной зародыш найден быть не может. Я хорошо знаю, что это связано с ремеслом – но как раз то и печально, сын мой, что ремесло воцарилось там, где оно совершенно не нужно, именно в поэзии!

Обнимаю тебя! Прекрасный осенний вечер зовет меня вон из дому, в природу, в ту неизреченно дивную сказку, которой, слава Богу, напрасно стремились бы мы найти генезис.

Сказка первая Как Потех искал истину

I

БЫЛО это в стародавнее время. На некоей прогалине в горах, средь дремучего букового леса жил старец Вещий со своими тремя внуками. Вышло так, что старцу пришлось одному вскормить и вырастить всех троих. И вот стали внуки уже настоящими молодцами, деду по плечи да и повыше плеч. Звались они Лютиш, Марун и Потех.

Однажды весенним утром поднялся старец Вещий рано до солнышка, разбудил всех трех внуков и сказал им, чтобы они шли в лес, в то место, где в прошлом году мед брали, посмотреть, как перезимовали пчелиные рои и пробуждаются ли пчелы от зимней спячки.

Марун, Лютиш и Потех встали, собрались и пошли. Было довольно далеко до того места, где находилась пасека. Но все три брата знали хорошо лесные тропинки и потому уверенно и бодро вошли в лесную чащу.

Однако в лесу было совсем темно и жутко, солнце еще не всходило, и не слышно было ни зверья, ни птиц. И вот постепенно стало братьям жутко в этой тишине, потому что на заре, перед солнечным восходом, злобный Бесомар, лесных бесов владыка, бродит среди лесной чащи, пробираясь от дерева к дереву.

И стали тут братья друг у друга выпытывать о всякой всячине, что бывает на свете. Но так как никто из них никогда из этого леса не выходил, то и не знали они ничего, что могли бы рассказать друг другу, и стало им оттого еще более жутко. Чтобы подбодрить себя, запали они песню Сварожичу, и стали призывать его и просить, чтобы показал он солнышко:

Боженька мой, Сварожич,
Солнышко златое, ясный свет!
Боженька мой, Сварожич,
Солнышка все нету, нету, нет!

Так распевая во весь голос, вышли они лесом на такое место, с которого видна была другая гора. И вот на вершине той горы увидали они, как сверкает никогда еще невиданное ими сияние, сверкает словно трепещущее знамя из золотой парчи.

Обомлели братья от дива, а сияние уже исчезло с горы и появилось ближе, над одним большим камнем, потом еще ближе – на вершине старой липы и, наконец, засияло чистым золотом прямо перед ними. И явился им прекрасный юноша в блистающей одежде, а на нем риза златотканая развевается, как знамя парчовое. Не могут братья даже взглянуть в лицо юноше, и глаза от страха великого ладонями прикрыли.

– Что же вы, глупенькие, меня зовете, а сами меня боитесь! – усмехнулся светозарный юноша. А был это сам Сварожич.

– Сварожича зовете, а Сварожича и боитесь; белый свет поминаете, а белого света и не знаете. Но, так и быть, покажу я вам весь мир: и землю, и небо, а потом скажу, что вас ожидает.

Вымолвив это, распахнул Сварожич свою ризу и окутал ее парчовыми складками и Лютиша, и Маруна, и Потеха. И взвился Сварожич; а на нем риза, и из складок ризы братья выглядывают; и так все выше и выше поднимаются, все больше и больше круги делают. И стало им видно все, что на свете есть. И увидели они сначала все поля со всеми стадами, со всеми хозяйствами и со всеми богатствами, какие в ту пору на свете были.

И выше и дальше кружат они, и видят, войска несметные и все их вооружение, копья и колчаны со стрелами, и всех полководцев, и всю добычу – все, что в ту пору на свете было.

И еще выше кружат они, и видны им сразу все звезды, и созвездия, и месяц, и все облака, ветрами по небу гонимые.

От всего виденного помутилось у братьев в голове, а риза все еще вьется, раздувается и шелестит, как знамя парчовое. Вдруг все исчезло, распустились складки ризы, и вот Лютиш, Марун и Потех опять очутились на лесной тропинке. А перед ними стоит по-прежнему светозарный юноша Сварожич и так им говорить:

– Вот вы, глупенькие, видели сейчас все, что есть на белом свете; а теперь слушайте, что вам суждено, и что вы должны делать для вашего счастья».

И только он это сказал, как напал на братьев еще больший страх, от боязни не забыть того, что он им скажет. А Сварожич, между тем, уже заговорил:

– Вот что делайте: оставайтесь у деда и не покидайте его, пока он вас не оставит, и не ходите в мир ни за худым, ни за хорошим делом, пока не докажете любовь к деду.

Проговорив это, Сварожич запахнулся ризой и исчез, будто никогда его и не было; в лесу же настал белый день. Все это, между тем, подслушал и подсмотрел Бесомар, лесных бесов владыка. В личине тумана лесного крался от вслед братьям, пробираясь от дерева к дереву, и скрылся, наконец, в ветвях старого бука. Издавна ненавидел Бесомар старца Вещего. Возненавидел он его так, как только может ненавидеть нечисть праведного человека, и особенно за то, что старец на своей прогалине развел и поддерживал святой неугасимый огонь.

Сильно кашлял Бесомар от святого дыма.

Не понравился Бесомару совет Сварожича, чтобы братья остались при деде и служили ему, и замыслил Бесомар погубить Вещего, взбунтовав его внуков. И только Лютиш, Марун и Потех опомнились от виденных чудес и собрались идти домой, Бесомар быстрее облака, ветром гонимого, спустился в лесное болото, где росла большая ракита. Служила та ракита бесовским логовом. Маленькие, необычайно уродливые, худые, шершавые, косматые, лохматые, всякого вида бесенята возились на раките.

С писком, визгом и свистом бесновались они там. Все это были проказливые, но глупые бездельники, не годные ни для какой работы и безвредные для человека, пока человек сам их к себе не позовет. Но об этом заботился уже сам Бесомар.

И вот выбрал он троих из них и приказал им пробраться к братьям и разведать, как при их помощи нанести вред старцу Вещему.

Пока Бесомар так напутствовал бесов, Марун, Лютиш и Потех шли своей дорогой и от пережитого страха никак не могли припомнить, ни того, что они видели при полете, ни того, что им сказал Сварожич. Дойдя до хаты, сели они на камень и рассказали деду, что с ними приключилось.

И спросил Вещий старшего внука Маруна:

– А что ты видел, летая, и что сказал тебе Сварожич?

В затруднении стоит Марун, не может он ничего вспомнить, забыл и то, что ему сказал Сварожич. А из-под камня, где сидел Марун, вылез бесенок маленький, уродливый, рогатый и серый, как мышь. Потянул бес Маруна сзади за рубаху и шепчет ему:

– Скажи: видел я несметные богатства, сотни пасек, избу из тесаного леса и много мехов драгоценных. И сказал мне Сварожич, что буду я самый богатый из братьев.

Марун и не раздумывал – правду ли говорит бесенок, а обрадовался и ответил деду, как бес подсказал. Но лишь он это сказал, бесенок прыгнул к нему в сумку, забрался в самый угол и засел там. И спросил дед второго внука, Лютиша, что тот видел, летая, и что сказал Сварожич. И Лютиш ничего не видал и ничего не помнил. А из-под камня вылез другой бесенок, маленький, гадкий, уродливый, рогатый, а цветом, как хорек. Потянул он Лютиша сзади за рубаху и шепчет ему:

– Скажи: видел я множество людей, вооруженных луками и стрелами, и много рабов в оковах. И сказал мне Сварожич: будешь ты самый сильный из своих братьев.

И Лютиш, как и Марун, не раздумывал, а обрадовался и солгал деду, как ему бес нашептал. А бесенок в тот же миг прыгнул к нему за пазуху, да и засел там.

Теперь спрашивает дед младшего внука, Потеха; но и тот ничего не помнил. А из-под камня вылезает третий бес – самый молодой, самый уродливый, с самыми длинными рогами и черный, как крот.

Потянул бес Потеха за подол и шепчет:

– Скажи: все, что есть в небесах – все звезды и все облака узнал я. И сказал мне Сварожич: будешь ты мудрец величайший и будешь понимать, что говорят ветры, и что рассказывают звезды.

Однако, Потех, очень любивший правду, не захотел послушать беса и солгать деду, а отпихнул бесенка ногой и говорить деду:

– Не помню, дедушка, ни того, что видел, ни того, что слышал.

Взвизгнул тут бесенок, укусил Потеха за ногу и, как ящерица, шмыгнул под камень. А Потех тут же нарвал целебной травы и повязал ею ногу, чтобы скорее зажила.

II

Когда Потех отпихнул ногой бесенка, шмыгнул бесенок сперва под камень, прошмыгнул дальше в траву, а сквозь траву проскочил в лес, а из леса на болото к раките. Приходит бесенок к Бесомару и, дрожа от страха, говорит:

– О, грозный царь Бесомар, не смог я забраться к тому малому, которого ты мне назначил.

Страшно разгневался Бесомар. Знал он всех трех братьев, но более всех опасался Потеха, боялся, что Потех доищется правды. А доищется он правды – не избавиться тогда Бесомару ни от старца Вещего, ни от святого огня. И схватил тут разгневанный Бесомар бесенка за рог, поднял его на воздух и крепко отхлестал березовой розгой.

– Иди туда, – крикнул он затем, – иди туда, к тому малому и горе тебе, если он доищется правды.

Выпустил после этих слов Бесомар беса, а тот, еще пуще дрожа от страха, залез под ракиту и просидел там целых три дня, всячески стараясь придумать, как ему выполнить грозный приказ.

«Ох, и будет же мне мука с этим Потехом, ну, да и Потеху со мной тоже», – размышлял бес. А был он проказливый бездельник, и трудная работа была ему вовсе не по нраву.

Пока он так раздумывал под ракитой, двое других бесенят, один в Маруновой сумке, а другой за пазухой у Лютиша, были уже за работой.

И Марун и Лютиш с того дня начали бродить по горам и долам, редко даже ночевали в хате и все из-за бесов.

Возился бесенок на дне Маруновой сумки, а любил этот бесенок богатство больше, чем свой правый рог. И целый день тычет он Маруна рогом в бока, соблазняет его и пищит: «Скорее, скорее! Нужно искать, нужно найти! Поищем пчелиных ульев, наберем столько меда, что будем бирки считать сотнями!»

Говорил так бес потому, что в те времена счет вели по зарубкам на бирках.

И Лютиша бесенок за пазухой тоже тыкал рогом: хотелось тому бесу быть сильнейшим между всеми и стать первым владыкой на свете. И вот гонит он и подгоняет, Лютиша разыскивать в лесу молодые березы и тонкие клены, и выделять из них оружие всякое и доспехи богатырские. «Скорее, скорей! Нужно искать, нужно найти копье, лук и стрелы по нраву богатырскому, чтобы затрепетали перед нами и звери и люди!» – верещал бесенок.

И слушались Лютиш и Марун своих бесов, и бродили по бесовским делам, по бесовскому наущению.

А Потех и в тот день и еще три дня оставался при деде и все пытался припомнить, что такое сказал ему Сварожич. Потому что хотелось Потеху сказать деду правду, да только, вот, никак ее вспомнить не мог.

И так один день, и другой, и третий. На третий день говорить Потех деду:

– Прощай, дедушка, ухожу я на гору и не вернусь, пока не вспомню правды, хотя бы на то десять лет понадобилось.

Вещий был уже глубокий старик, и не было у него другой радости на свете, кроме любимого внука Потеха. Мил был Потех старцу, как роса небесная листу увядшему. Задрожал старец и говорить: «На что мне, внучек милый, твоя правда, коли я, дряхлый старик, трижды могу помереть, пока ты ее доищешься?»

Так он говорил, а в сердце своем скорбел, думая про себя: «Как же это меня внук покидает». – А Потех отвечает:

– Ухожу я, дедушка, – решил я, что так будет лучше.

Мудрый старец был дедушка Вещай и потому подумал: «Может быть у этого ребенка больше мудрости, чем в моей старческой голове. Но только, если он, бедняга, согрешит против меня, придется ему искупить свой грех, ибо правдив он и благороден».

Подумав это, Вещий еще больше опечалился, но ничего больше не сказал, расцеловал внука и отпустил его идти туда, куда он задумал.

А у Потеха, деда покидающего, заняло сердце, и уже на пороге он чуть было не передумал остаться. Однако он пересилил себя и решения своего не переменял, вышел и направился в гору.

Пока Потех так расставался с дедом, тем временем тот бесенок, в раките, решил заняться своим трудным делом и направился к поляне, чтобы как-нибудь забраться к Потеху. – Вот идет Потех в гору, опустив голову; у первого же камня перед ним появился бесенок.

«Э, да это тот самый, – подумал Потех, – совсем маленький, поганый, черный, как крот и с огромными рогами».

А бесенок стал на пути Потеха и не дает ему пройти. Рассердился тут Потех на преградившего ему путь малого поганца, схватил камень, кинул в беса и угодил ему прямо между рогов. – «Убил я его!» – подумал Потех.

Взглянул на беса, а тот жив и здоров и еще у него два новых рога выросло, на том месте, где его камнем стукнуло.

«Э, видно камнем этого не прогонишь», – молвил про себя Потех и, обойдя бесенка, пошел дальше своим путем.

А бесенок и тут скачет перед ним то слева, то справа; летает и скачет по тропинке перед Потехом, словно заяц.

Так дошли они до одного места, вроде небольшого ущелья между скал, очень каменистого. Сбоку был колодец. «Здесь и останусь», – подумал Потех и тут же, под дикой яблоней, разостлал свою овчинную куртку, и сел, чтобы в тишине обдумать и вспомнить, что взаправду сказал ему Сварожич. Но как только бесенок это заметил, то забрался под пень напротив Потеха и стал выкидывать всякие штуки и досаждать ему: то пустит Потеху ящерицу под ноги, то накидает ему репейников на рубаху, то запустит в рукава кузнечиков. Так продолжалось довольно долго. Встревожился Потех и думает: «Несносно мне это! Покинул я мудрого деда, родных братьев и отчий дом, чтобы в тишине доискаться истины, а вот попусту гублю время с этим бездельником рогатым». Но, вспомнив и своим правом деле, решил, что все же правильнее ему здесь остаться.

III

Так и жили Потех и бесенок рядом в каменистом овраге, и как было в первый день, так и дальше шло: бесенок всячески досаждал и мешал Потеху.

Вот однажды прекрасным ранним утром проснулся Потех, поднялся и с весельем подумал: «Как тихо, как радостно; сегодня я допытаюсь правды». Глядь, а с дикой яблони уже сыпется на голову Потеха целый ворох яблок, и помутилось у него все в голове, все мысли смешались. А бесенок на яблоне хохочет, хохотом заливается. – И вот опять, только Потех в тенистой прохладе собрался с мыслями и уже начал кое-что припоминать: «Вот, вот память моя проясняется, теперь вспомню я всю правду!» – В тот же миг бесенок, набравши воды в свернутую из древесной коры трубку, издали нацелился, дунул и окатил Потеха струей холодной водицы так, что у Потеха все мысли из головы разбежались.

И много всяческих проказ и дурачеств проделывал бесенок в том ущелье. Было б это еще пол беды, если бы Потеху самому иногда не доставляло удовольствия глядеть на эти проказы. Только соберется он с мыслями, а глаза его уже следят за проделками мерзкого проказника.

Так вот и тратил он время по пустому. И рассердился Потех, все сильнее томимый желанием скорее вернуться к деду и видя, что при этом бесе он никогда не доищется правды.

И решил Потех: «Надо мне его уничтожить».

Вот однажды утром придумал бесенок новую забаву. Взобрался он на верхушку скалы, где начиналось каменистое русло водомоины, оседлал гладкий сучок и, на нем сидя, молнией скатился вниз по водомоине. Понравилась бесенку эта забава, как ни одна другая, и захотелось ему собрать для нее подходящую компанию. Наладил он из травяного стебля свистульку, и вот с верхушки скалы разнесся его свист по всему лесу. А из кустов, из-под камней, из-под ракиты и из камыша повывезли и прискакали все бесенята. По его приказу захватили они по сучку и взобрались на скалу. И надо было видеть, как, оседлавши сучки, все они стремглав скатились вниз по водомоине! А каких только не было тут пород племени бесовского. И красные, как ряполовы, и зеленые, как ящерицы, и лохматые, словно ягнята, и голые, как лягушки, и рогатые, словно улитки, и серые, как мыши. Словно очумелая летела эта рать вниз по водомоине на своих сучках, как на конях бешенных. Друг за другом плотной гурьбой летели они со скалы поперек ущелья, до середины его, где лежал большой камень, густо обросший мхом. С разгона налетали они на этот камень и, тиская друг друга, кучами валились на мох, словно одурелые.

Так эта бесовская толпа скатилась с визгом и хохотом два-три раза, а у Потеха мысли разбегаются: и глядел бы на них и смеялся бы, да досада берет – как тут в такой сумятице добраться до правды. Так и этак, туда-сюда, но вот Потех решил таки: «Нет, не до смеха тут, не до забавы; должен я известить этих бездельников, иначе напрасно я пришел сюда».

Заметил Потех, что сучки с бесенятами скатываются из водомоины в направлении прямо на колодец, и, не будь на пути их камня, обросшего мохом, полетели бы бесы стремглав в колодец. И прислонился Потех к тому камню; и вот, когда бесы с визгом и писком скатывались вниз по водомоине он одним толчком отпихнул камень – и покатила одуревшая бесовская рать прямо на колодец.

А там и в колодец вверх тормашками все, один за другим – и красные, и зеленые, и голые, и мохнатые, и серые, и рогатые, и первым Потехов бесёнок.

А Потех тут же навалил камень на колодец, и очутились бесы, как мухи под опрокинутым горшком.

Обрадовался Потех, что так удачно отделался от бесов, и пошел он на свое место, чтобы теперь в полном спокойствии додуматься до правды.

Но, увы, не тут – то было. В колодце бесы стали метаться и бесноваться, да так, как никогда. Через все щели колодца стали прорываться мелкие вспышки пламени; выпускали их бесы от жестокой муки. Далеко во все стороны разлетались брызгами эти вспышки, и так беспрерывно, что у Потеха сразу же закружилась голова. Закрыв было Потех глаза, чтобы вспышки ему не мешали.

А там в колодце такой шум, визг, писк, вой, стук и возня, что у Потеха в ушах звон оглушающий стоит, и где уж тут о чем либо думать! – И зажал он уши, чтобы ничего не слышать.

Но тут пошел сквозь колодезные щели такой чад и серный смрад от бесовского смертного страха, что Потех в этом чаду и смраде стал задыхаться. Понял Потех, что ничего не поделаешь. «Вижу теперь, говорить он, что плохо: запертые бесы во сто крат хуже вольных. Пойду-ка да выпущу их, коли не вмоготу мне их уничтожить. Все же мне легче терпеть их проказы, чем страдать такой мукой!»

Пошел он и отвалил камень в сторону, а перепуганные бесы быстрее диких кошек повывскакивали и бросились в рассыпную, кто куда, иные и в гору, и никогда уже больше никто из них в овраг ни ногой.

Остался только тот единственный, черный, как крот и с огромными рогами, не смевший из страха перед Бесомаром оставить Потеха.

Но и он с того дня, как будто присмирел, стал больше уважать Потеха.

Так они вдвоем кое-как и устроились. Привыкли друг к другу и стали жить рядом.

А время шло; и вот уже почти целый год прошел, а Потех еще далеко не додумался, что взаправду сказал ему Сварожич. А к концу года стало и бесенку не вмоготу. Думает он:

«Доколе я так зря здесь торчать буду».

Вот однажды вечером, когда Потех было уже спать собрался, подходит к нему бесенок и говорит:

– Что же ты, голубчик, сидишь здесь, почитай, целый год, а к чему тебе это? Ведь дед твой там на прогалине может быть за это время уже и помер!» Острая боль схватила Потеха за сердце, словно его иглой пронзило, но все же он ответил:

– Такой я дал обет не уходить отсюда, пока не дознаюсь правды, а правда прежде всего». Говорил так Потех, ибо был он правдив и благороден. Однако, Потеха глубоко уязвило то, что бес сказал о деде, и не мог он заснуть всю ночь, метался и ворочался и все думал о том, что теперь с его дедом, с его милым старцем.

IV

А дед тем временем продолжал жить на своей прогалине с Маруном и Лютишем, да только жалкое было его житье. Внуки не заботились о деде, мало и были с ним. Не здороваясь с ним по утрам, не прощаясь с ним на ночь, целыми днями бродили они по своим делам, слушаясь своих бесов, сидящих все также – один в торбе, а другой за пазухой.

Марун что ни день приносил из леса новые улья, тесал бревна, строил и выстроил себе новую избу. Первым же делом вырезал он себе десяток бирок и всякий день считал и подсчитывала как бирки заполняются зарубками.

А Лютиш бродяжничал, охотился и разбойничал; приносил меха и дичь, таскал и скотину, а раз привел с собой и двух пленников и как батраков поставил их на все работы служить себе и брату. Все это тяготило и огорчало деда Вещего, а братьев тяготил старец, и все враждебнее глядели на него внуки. Зло их брало, что старец отказывался от услуг батраков и срамил их тем, что сам колол дрова и сам носил воду из колодца. И дошло дело до того, что все в старце досаждало внукам, даже и то, что старец неизменно всякий день приносил щепки на поддержание святого огня.

И стало ясно старцу Вещему, куда дело клонится, и что не сдобровать ему скоро. Не смерти он боялся и не жизни жалел. Жалел он, что умрет, не увидевши Потеха, свое возлюбленное чадо, радость старости своей.

И вот однажды вечером, как раз в то время, когда Потех так тосковал по деду, говорить Марун Лютишу:

– Идем, брат, прикончим деда. У тебя есть оружие, подстереги его у колодца, да и убей его.

Заставило Маруна сказать такие слова желание любой ценой устроить на месте старой избы новый пчельник.

– Нет, брат, не могу, – ответил Лютиш, сердце которого даже от крови и от разбоев не так очерствело, как у Маруна от жадности и богатства.

Марун, однако, все не отстает, и бес в торбе ему тоже шепчет-нашептывает. Бес в торбе Маруновой видел, что ему первому удастся старца Вещего со света сжить и тем великую похвалу Бесомарову заслужить.

Уговаривает так Марун Лютиша, а Лютишу никак не хочется своей рукой убить деда. Но вот сговорились они наконец и порушили в тот же самый вечер подпалить старую избу. Пускай, мол, сгорит она, а в ней сгорит и старец.

Когда перед вечером все стихло на прогалине, отослали братья обоих батраков в лес сторожить западни. А сами подкрались к избе дедовой, заложили дверь снаружи тяжелым клином, чтобы дед не мог выйти из избы, и подпалили избу со всех четырех углов.

Сделав это, отошли они подальше в гору, чтобы не слышать дедовых стонов. И тут же сговорились обойти все нагорье, все как есть, чтобы вернуться только к утру, когда все кончится – сгорит и дед и изба.

Отошли они, а огонь помалу стал разгораться и лизать углы избы. Но тверды, как камень старые ореховые бревна, лижет их пламя, облизывает, а охватить не может. Только поздно ночью загорелась одна лишь крыша.

Проснулся старец Вещий и видит – горит над его головой крыша. Поднялся он и пошел к двери; пробует отворить, а тяжелый клин ее снаружи держит. Догадался он сразу, чье это дело.

– Ох, дети мои, несчастные! – говорит старец, – сердца свои опустошаете – пользы себе все ищете. Но смотрите: многого вам еще надо, а сердца ваши уже до дна опустошены, коли вот деда и родную избу палите.

Подумал так дед Вещий про Маруна и Лютиша и тут же перестал о них вспоминать и скорбеть, а отошел, сел и спокойно стал ждать смерти.

Сидит он так на сундуке и вспоминает всю свою долгую жизнь. И ни о чем, что было в его жизни, не жалел он, тяжело ему было только одно, что вот в смертный его час нет возле него Потеха, возлюбленного его дитяти, единственной его радости.

Думает он так свою скорбную думу, а крыша избы вся уже огненным столбом пылает.

Загорелись и прогорели стропила, трещат в огне потолочные балки.

Прогорели, сломались и рухнули внутрь избы и стропила и балки. Охваченные пламенем валились они и падали вокруг старца. И окружило пламя старца Вещего. А сквозь разрушенную крышу видит он, как в небе утренняя заря занимается.

И встал старец Вещий на ноги, воздел очи и руки свои к небесам и ждет, когда огонь унесет с этого света и его, старика, и его старую избу.

V

Сильно измученный в ту ночь Потех, как только занялась заря, пошел к колодцу освежить холодной водой горячее лицо свое. Показалось уже солнце на небе, когда Потех подошел к колодцу. Подошел и видит он, как в воде свет сияет. Засиял свет, поднялся и вот перед Потехом на краю колодца появился прекрасный юноша в золотых ризах.

И это был Сварожич.

Встрепенулся от радости Потех и говорить:

– Боженька мой Сварожич, уж сколько времени я тебя жду! Скажи мне, горемыке, что мне нужно делать? Вот я уже целый год здесь скитаюсь и мучаюсь, и призываю всю мудрость – и никак не могу добраться до правды!

Только он это проговорил, покачал Сварожич укоризненно златокудрой головой.

– Эх, братец, братец! Ведь сказал я тебе оставаться при деде, пока не проявишь ему любовь свою, и не покидать его, пока он сам тебя не покинет, – говорит Сварожич. А затем добавил еще:

«Думал я, что ты самый мудрый из братьев – ан вышло: ты-то и есть самый глупый. Хлопочешь, и мучаешься, и мудришь целый год, чтобы узнать правду. А вот, если бы ты послушался сердца своего, когда оно говорило тебе тогда, на пороге избы, вернуться и не оставлять деда, в этом и была бы, горемыка, вся правда немудреная.

Сказав это, Сварожич еще раз укоризненно покачал своей златокудрой головой, запахнулся парчовым плащом и исчез.

А пристыженный и смущенный Потех остался один у колодца, а из-за камня выглядывает и смеется все тот же мерзкий рогатый бесенок. Понравилось бесу, что Сварожич так осрамил Потеха, этого праведника. Потех же, оправившись от первого смущения, воскликнул радостно:

– «Мигом умоюсь и помчусь к моему милому старичку.

Сказав это, припал он к колодцу, чтобы умыться. Нагнулся Потех зачерпнуть воды, перегнулся слишком сильно, поскользнулся и упал в колодец.

Упал в колодец и утонул.

VI

И выскочил бесенок из-за камня, вскочил на сруб колодца и заглянул в него, дабы своими глазами увидеть и убедиться в том, что случилось. И видит, что утонул Потех; вот он лежит на дне колодца, как воск желтый.

Совсем одурел тут глупый бесенок от радости: «Ой-ой, повеселюсь же я теперь, братец мой!».

Бесенок так визжал, что пронзительный визг отдавался по скалам и разносился по ущелью. А затем уперся он в камень, оставшийся прислоненным к срубу колодца; перевалился камень и наглухо завалил колодец. И приволок бесенок овчинную куртку Потеха, разостлал ее на камне, взобрался на нее и давай плясать и скакать по овчине.

– О-го-го! О-го-го! Конец дела моего! – верещал бесенок. Скачет он по овчине и приплясывает.

А когда бесенок обессилел, огляделся он вокруг по оврагу и стало ему как-то не по себе. Привык бесенок к Потеху, и жилось-то ему рядом с этим праведником легко и привольно, как никогда еще. Возле него он на полной свободе проказил, и никто ему не запрещал, и никто им не помыкал.

А теперь вот, как подумает, надо вернуться опять под ракиту, на то болото к свирепому царю Бесомару и жить там среди сотен беснующихся таких же, как и он сам, безобразников. Отвык он уже от всего этого. Раздумывая так, бесенок задумался, а задумавшись загрустил, а там и затосковал. Да как всплеснет он вдруг ладошками; и, глядь, только что ликовавший безмозглый дурачина стал тут выть и реветь и, обливаясь слезами, метаться по овчине от лютого горя.

Ревёт он и завывает, будто случилось вовсе не то, чему он только что с таким визгом радовался. Беснуется бесенок, ревёт, по овчине крутится, катается, клочьями шерсть из овчины рвет, как сумасшедший.

В это самое время подошли к оврагу Лютиш с Маруном. Обошли они уже все нагорье и теперь возвращались домой на прогалину поглядеть, благополучно ли сгорели дед и изба. Подошли они к оврагу, где им еще ни разу не случалось бывать. Слышат Лютиш и Марун вой, видят куртку Потеха и сразу пришло им обоим в голову, – не случилось ли какой беды с Потехом. Однако о брате жалеть они не стали, так как не могли они жалеть никого, пока носили при себе бесов.

Но бесенята их тем временем стали тревожиться, услышав жалобный вой своего сотоварища. Известно, ведь, что бесы в беде самый дружный и верный друг другу народ. Там у себя, под ракитой, они ссорятся и дерутся, а в беде готовы друг за друга головы сложить.

И вот, закопошились оба, забеспокоились, насторожили уши и высунулись один из сумки, а другой из-за пазухи. Высунулись и видят: летят во все стороны какие-то клочья, а товарищ их барахтается и реветь благим матом. И закричали перепуганные бесенята:

«Его зверь какой-то дерёт; – и выскочили один из сумки, другой из-за пазухи и опрометью бросились к товарищу.

Подскочили к нему, а тот распластался на овчине, обессилел, а все кричит: «Погиб малый, погиб малый!»

Успокаивают его бесенята, недоумевая: пятку он себе занозил, что ли, или комар в ухе у него сидит; не знали ведь они Потеха и невдомек им было, о чем ревёт их товарищ. А тот все ревёт, сам уже ничего не слышит и не видит, а успокоиться не может.

Измучились бесенята, хлопоча около него; а оставить товарища в беде не могут. Наконец надумали: ухватили куртку за рукава и поволокли куртку с товарищем в лес, а из леса к раките, к самому Бесомару.

VII

А Лютиш и Марун впервые за целый год очутились одни без своих бесов. И только теперь, когда покинули их бесы, почувствовали братья, что целый год бродили они ослепленные и только теперь в овраге снова прозрели.

Опомнились они тут, а опомнившись, сразу поняли, какое греховное и злое дело они над дедом учинили.

– Братец, родимый, – кликнули они друг другу, – скорей помчимся спасти деда.

И помчались они на прогалину так, словно крылья у них выросли соколиные.

Прибежали они на прогалину и вот перед ними изба без крыши, а из избы пламя столбом. Только одни стены ее стоять да двери, тяжелым клином заклиненные.

Подскочили братья, отбили клин, кинулись в избу и на руках вынесли старца из пламени, уже охватывавшего ему ноги.

Вынесли Лютиш и Марун деда, положили его бережно на траву и стоят рядом, не смея слова вымолвить.

Немного спустя, открыл старец глаза, молча поглядел на них, а затем спросил только:

– Не нашли ли где-нибудь в горах Потеха?

– Нет, дедушка, – отвечают братья, а сами поднять глаза не смеют. – Погиб ведь Потех, утонул нынче утром, в колодце. А нас ты, дедушка, прости, будем мы тебе служить и рабски во всем покоряться.

Только они это сказали, собрался дед Вещий с силами и поднялся и стал на ноги.

– Вам, детки мои, вижу я, прощено, вы вот остались в живых. А вот праведник, тот должен был смертью искупить свою ошибку. Идем, дети, ведите меня, хочу посмотреть то место, где он погиб.

С сокрушенным сердцем Марун и Лютиш повиновались, взяли деда под руки и повели его к оврагу.

Прошли они немного и видят, что заблудились, что никогда в этом месте не были. И сказали о том деду, а он велит им идти дальше той же дорогой.

Дошли они так до большой кручи, где крутой подъем вел на самый гребень.

– Не умер бы наш дедушка. Где ему осилить такую кручу... – шепчут братья. А старец Вещий им говорить:

– Идемте, детки, куда путь ведет.

Стали они взбираться на кручу, а старец в лице осунулся и все бледнее становится. А наверху, на гребне, что-то мелькает, сияет, блещет и сверкает.

Поднялись они на самый гребень и онемели, окаменели от дива дивного.

Нет перед ними земли, с холмами и долинами, с горами и равнинами, а стелется море облаков белоснежных, а над облаками белоснежными облачко румяное. На облачке румяном гора хрустальная, а на горе хрустальной терем золотой, а к терему широкие ступени ведут.

Были это золотые палаты Сварожича. Ярким светом радостно сияет и облачко румяное, и гора хрустальная, и стены золотые, а еще ярче сияют окна терема. Пируют там Сварожичевы гости званные и поднимают они заздравные кубки золотые, приветствуя новых пришельцев.

Но не зовет Сварожич и в терем свой не пускает тех, у кого на душе какая-нибудь неправда есть.

В палатах собраны только избранные праведники, и вот почему так ярко сияют окна.

Стоить на гребне дедушка Вещий со внуками, – в оцепенении глядят они на то чудо чудное. Глядят и вот вдруг замечают – сидит кто-то там перед теремом на ступенях. Закрыв лицо руками и плачет.

Смотрит старец, всматривается, присмотрелся и узнал Потеха.

Встрепенулась душа старца, собрался он с силами и раздался голос его, и донеслось по облакам до Потеха:

– Дитятко мое, что с тобою?

И отвечает Потех:

– Ах, дедушка, вынесла меня из колодца какая-то великая светлая сила и перенесла сюда. Очутился я тут, а в терем меня не пускают за то, что согрешил я перед тобою.

Брызнули тут слезы из глаз деда, потекли по лицу его. Рвется его сердце, и простирает он руки обнять свое возлюбленное дитятко, дабы утешить его, помочь ему, выручить свое чадо милое.

Взглянули Марун и Лютиш на деда, а дед уже весь в лице изменился, потемнел, осунулся и не похож стал на живого человека.

– Помрет у нас старик, видя это диво чудное, – шепчут братья друг другу.

А тем временем старец совсем оправился и уже было в путь двинулся, но обернулся к ним и говорит:

– Идите вы, детки, назад на поляну и, коли вам прощено, живите и наслаждайтесь спокойно тем, что вам суждено. А я пойду помочь тому, кому тяжелой ценой достанется, быть может, иная доля.

Ослабел тут совсем голос деда, однако, сам дед твердо стоял перед ними, прям, словно изваяние.

Переглянулись Лютиш с Маруном: рехнулся, что ли, дед, собираясь перебраться через облака, тогда как от слабости едва может говорить.

А старец уже удаляется от них. Идет, шагает по облакам, точно по лужайке. А как шагнул, так и пошел. Идет старец, идет, легко несут его ноги, словно перышко, и рубаха на нем ветерком раздувается, словно облачко на тех облаках. Вот перед ним и облачко румяное, вот и гора хрустальная, вот и ступени широкие. Быстро поднялся старец по ступеням к внуку. О, сколько радости, когда обнял дед внука. Обнимает его и так прижимает к сердцу, словно никогда уж его не отпустит. Прислушиваются Лютиш и Марун, и чудится им, будто слышат они чрез облака как у деда и внука сердца колотятся от счастья великого.

Но вот схватил старец внука за руку и повел его по лестнице к воротам терема. Левой рукой внука за руку держит, а правой стучит в дверь.

И вот чудо! Сразу широко распахнулись ворота, раскрылось все великолепие дворца, а все званные гости именитые у дверей встречают деда Вещего и внука Потеха.

Встречают, руки им протягивают и в терем их ведут.

И еще видят Марун и Лютиш через окна, когда их ведут и за стол сажают, что первый между первыми дед Вещий, а рядом с ним Потех, а златокудрый юноша Сварожич золотым кубком гостей приветствует.

Великая тоска охватила Лютиша и Маруна, когда увидели они себя покинутыми и одинокими среди таких чудес.

– Спустимся, брат, на нашу прогалину, – шепнул Марун.

И повернулись они и спустились. Угнетенные такими чудесами, добрались они до прогалины и никогда уже больше не могли отыскать нигде на горе того гребня.

VIII

Так было и так закончилось.

Марун и Лютиш прожили свой век на прогалине. Прожили долгую жизнь и как добрые юноши, и как почтенные мужи; вырастили славное потомство сыновей и внуков. Как все добро переходило от отца к сыну, так и святой огонь поддерживался ежедневно и неугасимо.

И не даром Бесомар так опасался Потеха. Ведь не погибни Потех, добиваясь правды, не покинули бы бесы Маруна и Лютиша, и не было бы больше на прогалине ни святого огня, ни честного народа.

Всё так и обернулось на позор и срам Бесомара и его воинства.

Когда те два бесенка приволокли к Бесомару Потехову куртку, а на ней третьего своего товарища, не перестававшего реветь благим матом, страшно тогда расвирипел Бесомар, узнав, что от них ускользнули все три юноши. В бешеной злобе велел он срезать рога всем трем бесенятам, чтоб ходили они всю жизнь безрогими, всем на посмешище.

А все же было больше всех сраму самому Бесомару. Ведь всякий день кашлял он от священного дыма, а уж никуда в лес и выйти не смеет, чтобы не встретиться с кем-нибудь из порядочных людей.

И осталась Бесомару от всего этого лишь Потехова куртка. И пусть ею он владеет, ведь Потеху не надобна больше овчинная куртка там в золотом тереме Сварожича.

Сказка вторая

Рыбак Палунко и его жена

I

НАДОЕЛА рыбаку Палунке бедность. Жил он в одиночестве на пустынном берегу моря и по целым дням ловил рыбу на костяную удочку, потому что сети в том краю еще не были известны. А что можно выудить на удочку!

– О, сколь бедна моя жизнь? – говорил сам себе Палунко, – что за день наловишь, то вечером съешь – и нет никакой радости для меня на этом свете.

Услыхал, однако, Палунко, что есть на свете много богатых жупанов¹ и вельмож, что живут они в добре и холе, в золоте и роскоши. И запало в голову Палунке желание, хотя бы один раз увидеть такое богатство и пожить в нем. И дал он зарок три дня в своем челноке пробыть в море, но рыбу не ловить, надеясь, хотя бы этим помочь себе.

Так Палунко провел в своем челноке на морском просторе три дня и три ночи – три дня сидит, три дня постится, три дня рыбы не ловит. И когда уже приближался рассвет третьего дня, показался из морской пучины серебряный челн с золотыми веслами, а в нем, как светлая царевна, ясная Заря-девица.

– Три дня охранял ты жизнь моих рыбок, и потому скажи теперь, что ты хочешь, что бы я для тебя сделала? – сказала Заря-девица.

– Вызволи меня из этой бедной и скудной жизни. Вот так я целый день быюсь в этом убогом месте. Что за день наловлю, то вечером съем, и нет для меня никакой радости на этом свете – говорить Палунко.

– Иди домой и там найдешь все, в чем нуждаешься – отвечает ему Заря-девица. Сказав это, тотчас же исчезла вместе со своим серебряным челном в пучине.

¹ Жупан – князь или старшина у южных славян, правитель какого-нибудь округа.

Поспешил Палунко к берегу и прямо домой. Когда он приближался к дому, появилась перед ним бедно одетая девушка, совершенно изнуренная длинной дорогой по прибрежным горам. Говорит девушка:

– Умерла моя мать, нет у меня больше никого на свете, женись на мне, Палунко.

Не знает Палунко, что ему делать. «Не есть ли это счастье, что мне, бедняку, посылает Заря-девица?

Видит Палунко, что она так же бедна, как и он, но боится ошибиться и упустить свое счастье. Согласился и взял сиротку себе в жены. А она была так изнурена, что легла и проспала до следующего дня.

Палунко едва дождался наступления дня, чтобы поскорее увидеть счастье, которое должно к нему придти. Но в этот день ничего не произошло, и когда Палунко взял удочки и отправился на рыбную ловлю, жена ушла в горы собирать лебеду. Вечером вернулся Палунко, вернулась и жена, и на ужин поели вместе с рыбой немного лебеды. «О, если это и есть счастье, тогда я мог бы и без него обойтись», – подумал Палунко.

После ужина села жена подле Палунки и чтобы скоротать время начала ему рассказывать сказки. Рассказывает она о богачах, о царских дворцах, о змеях, что стерегут сокровище, о царевне, что в саду жемчуг сеет, а алмаз жнёт. Слушает Палунко, и сердце его огнь радости трепещет. Забыл Палунко и бедность свою – и три года согласен слушать такие сказки. Но еще больше обрадовался Палунко, когда у него мелькнула такая мысль: «Женщина эта – волшебница, и она укажет мне дорогу к сокровищам змея или к царевнину саду. Нужно только немного терпения, чтобы не обиделась она.»

Ждет Палунко – бежит день за днем, прошел год, а там и другой. Уж у них и сынок родился – назвали его Влаткой малым. А все осталось по-прежнему – Палунко удит рыбу, а жена днем в горах бьется, разыскивая лебеду, вечером ужин готовит, а за ужином дитя качает и Палунке сказки рассказывает. Все лучше и лучше она рассказывает, и все тяжелее становится Палунке ждать. И вот однажды вечером он не выдержал: когда жена с особым увлечением рассказывала о несметных богатствах и роскоши Морского Царя, вскочил разгневанный Палунко, схватил жену за руку и говорить:

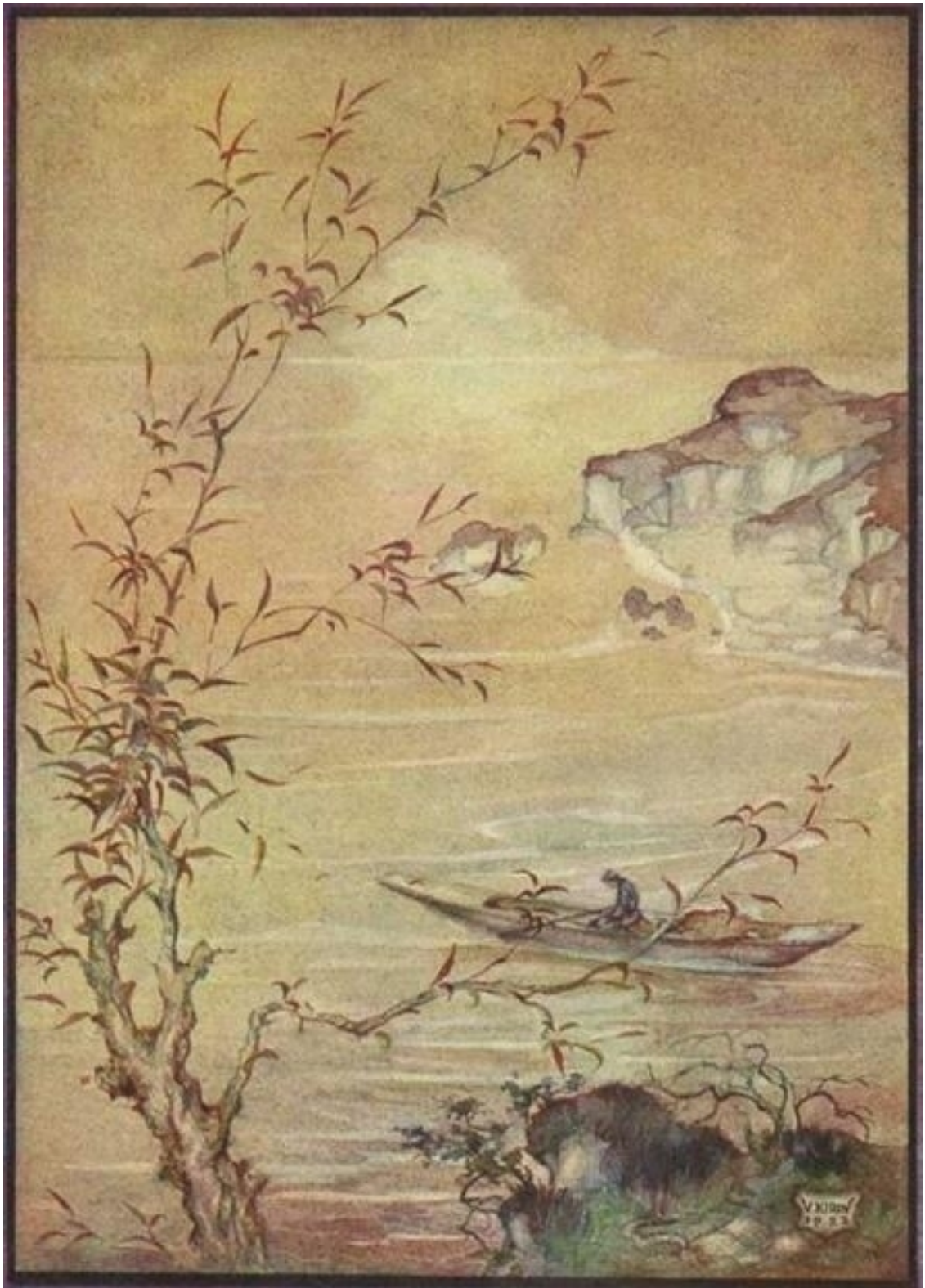
– Не могу я больше ждать, и завтра рано утром вези ты меня во дворец Морского Царя.

Испугалась жена, когда Палунко так вскочил. Говорить ему она, что не знает, где дворец Морского Царя, но Палунко в ярости, избив жену, пригрозил ей убить ее, если она не откроет ему волшебную тайну.

Догадалась тогда бедная женщина, что Палунко думал, будто она волшебница, расплакалась и говорить:

– Бедняга, я не волшебница, а несчастная женщина, с чародейством незнакомая. А все, что я тебе рассказываю, то идет от сердца, с одним желанием развеселить тебя.

Еще более рассердился Палунко, что обманывался он два долгих года, и в гневе приказал жене на следующий день еще до зари пойти с ребенком морским берегом направо, а сам собрался налево, запрещая возвращаться прежде, чем найдут они путь к Морскому Царю.

На заре плачет жена и просит Палунку не расставаться. «Кто знает, где кто из нас пострадает на этом каменистом берегу» – говорила она. Но Палунко снова набросился на нее, и она, взяв ребенка, плача, пошла, куда ей муж приказал. Палунко же пошел в другую сторону.

Побрела женщина с ребенком, Влатком малым. Бредет неделю, бредет две. Нигде не могла она найти пути к Морскому Царю. Устала бедняжка жестоко и однажды, днем уснула на камне у моря. Когда проснулась, видит она, что исчезло дитя, беспомощный Влатко.

Она настолько перепугалась, что застыли у нее слезы в сердце, а от неизмеримой жалости потеряла она речь и онемела.

Вернулась сирота безгласная на берег морской и пришла домой. На следующий день пришел и Палунко. Не нашел он пути к Морскому Царю, вернулся в ярости и гневе.

Когда вошел в дом, видит – нет чада родного, Влатки, а жена немая. Не может она сказать ему, что случилось, и лишь убивается от печали.

Так с этого дня и пошло. Жена не плачет, не причитает, лишь молча по дому работает и за Палункой ухаживает, а дом тих и пуст, как могила. Через некоторое время переболел Палунко свое горе, но досада его совсем одолела: там, где он больше всего надеялся добиться богатства Царя Морского, там и настигла его беда и несчастье.

Принял решение Палунко и однажды утром снова отправился в море. На море он три дня сидит, три дня постится, три дня рыбу не ловит. На третий день появилась перед ним Заря-девица.

Рассказал ей Палунко про все, что случилось, и пожаловался:

– Тяжелее мне теперь, чем прежде было. Исчезло дитя, жена онемела, опустел дом. Пропасть от горя!

Ничего не сказала на это Заря-девица, только спросила Палунка:

– Чего ты желаешь? Я тебе опять помогу.

Но у Палунки – одна безумная мысль, и так как он вбил себе в голову, что должен нагладиться и насладиться богатством Царя Морского, то и не потребовал, чтобы дитя вернулось или жена опять заговорила, а попросил Зарю-девицу:

– О, ясная Заря-девица, покажи мне путь к Морскому Царю.

И опять ничего не возражает Заря-девица, а лишь внимательно советует Палунке:

– Когда в первый день новолуния станет светать, сядь ты в челнок, подожди ветра и пойди по ветру на восток. Отнесет тебя ветер к острову Буяну, к камню Алатырь. Там я тебя буду поджидать и путь к Морскому Царю тебе покажу.

Радостный идет Палунко домой.

Когда появился молодой месяц, он, не сказав жене ни слова, ранней зарею садится в челнок, ветра ждет и идет по ветру на восток.

Гонит ветер челнок и пригнал его в море незнакомое, к острову Буяну. Цветет пышно остров, как зеленый сад. На нем буйная трава и луга, на нем лоза виноградная, на нем миндаль цветущий. Посреди острова дорогой камень, бел-горюч камень Алатырь. Половина камня над островом сверкает, а половина под островом в море светит. Здесь на острове Буяне, на камне Алатыре сидит Заря-девица.

Прекрасно Заря-девица встретила Палунка и точные дала ему указания. Показала она ему, где на море около острова плавают мельничное колесо, а вокруг колеса Морские Девы пляшут и играют. Выучила еще она его, как нужно упросить колесо спустить его к Царю Морскому, а чтобы не поглотили его волны морские.

Говорить ему Заря-девица:

– Великим богатством и роскошью насладишься ты у Царя Морского, но знай: на землю не сможешь ты вернуться, потому что поставлено там три страшных стража. Один волны вздымает, другой ветер раздувает, а третий молнии мечет.

А Палунко радостный в челнок садится, плывет к колесу мельничному, думая про себя:

«Не знаешь ты, Заря-девица, что такое беда на этом свете. Не захочется мне опять на землю, где я одно лишь горе оставляю!»

Он – к колесу мельничному, а около колеса шаловливые Морские Девы пляшут, играют. В волны ныряют, по морю носятся, волосы их по волнам треплются, серебряные их плавники колышутся, а уста румяные смеются. И на колесо они взбираются и подле колеса море пенят.

Подплыл челн к колесу мельничному, и Палунко сделал то, чему его Заря-девица научила: поднял весло над морем, чтобы его морские волны не поглотили, и сказал колесу мельничному:

– Колесо-вертун или до смерти заверти меня в пучине или доставь к Царю Морскому.

Лишь только проговорил это Палунко, позапрыгали Морсюя Девы, как рыбки серебристые, сгрудились около колеса, ухватились руками белыми за спицы и завертели колесо – завертели его быстро, до кружения головы.

Сделалась воронка в море, воронка глубокая, ужасающая, увлекла воронка Палунка, завертела Палунком, как тоненькой спичкой, и понесла его к прекрасным дворцам Царя Морского.

Еще в ушах Палунки шум морской и беззаботный смех Морских Дев, а уже очутился он на прекрасном песке, мелком песке из сухого золота.

Оглянулся Палунко и воскликнул:

– О, чудо чудное, целая поляна золотого песку!

Но это только Палунко думает, что перед ним поляна: не поляна то, а огромный чертог Царя Морского. Вокруг чертога море стоит, словно мраморная стена, а над чертогом море, как свод стеклянный. От камня Алатыря идет сияние голубое, точно прозрачный лунный свет. Висят вдоль чертога ветви жемчужные, высятся столы коралловые.

А с краю, на другом конце, где музыка звучит и тихо звенят малые бубенцы, там в золотом песке нежится и поживает Царь Морской. Зарылся он в золотой песок, только воловью голову свою поднял. Возле него коралловый стол, а позади золотая изгородь.

Нежные свирели так быстро и мягко звучали, а малые бубенцы так стремительно звенели, так этот блеск и роскошь сверкали – что Палунко и думать не мог прежде, что где-нибудь на свете может быть столько счастья и блаженства!

Обезумел Палунко от безмерной радости, показалось ему, что упился он вином, заиграло у него сердце, захлопал он в ладоши, забегал по золотому песку, как быстрое дитя, перекувырнулся и два, и три раза, как глупый шалун.

Очень понравилось это Морскому Царю. У Морского Царя грузные ноги тяжелы, а еще тяжелее тяжкая голова воловья. С грохотом рассмеялся Морской Царь, и так как лежал он в золотом песке, то вокруг него разлетался песок от его смеха.

– Совсем ты, как легконогий юноша, – говорит Морской Царь и взяв находящуюся над ним ветку жемчуга, подарил ее Палунке. Затем по приказанию Морского Царя вынесли русалки на золотых блюдах отборные яства и пития медовые. Блаженствует Палунко, в чести большой он у Морского Царя – сидит за столом коралловым.

Когда Палунко отобедал, спрашивает его Царь Морской:

– Не хочешь ли ты, человеке, еще чего-нибудь?

А чего может пожелать несчастный бедняк, богатства никогда не видевший? Но так как Палунко из-за дальности пути был голодень, то не мог он наестся отборными яствами и напиться питиями медовыми и говорить Морскому Царю:

– Уж коли ты спрашиваешь меня, Царь Морской, то хотел бы я получить порядочное блюдо вареной лебеды.

Удивился этому Царь Морской, но затем догадался, рассмеялся и говорить Палунке:

– Э, братец мой, дороговата у нас лебеда, дороже жемчуга и перламутра, потому что далеко от нас до лебеды. Но коли уж ты пожелал, то пошлю я русалку и принесет она тебе из того края лебеды. Но ты для меня еще три раза перекувырнись.

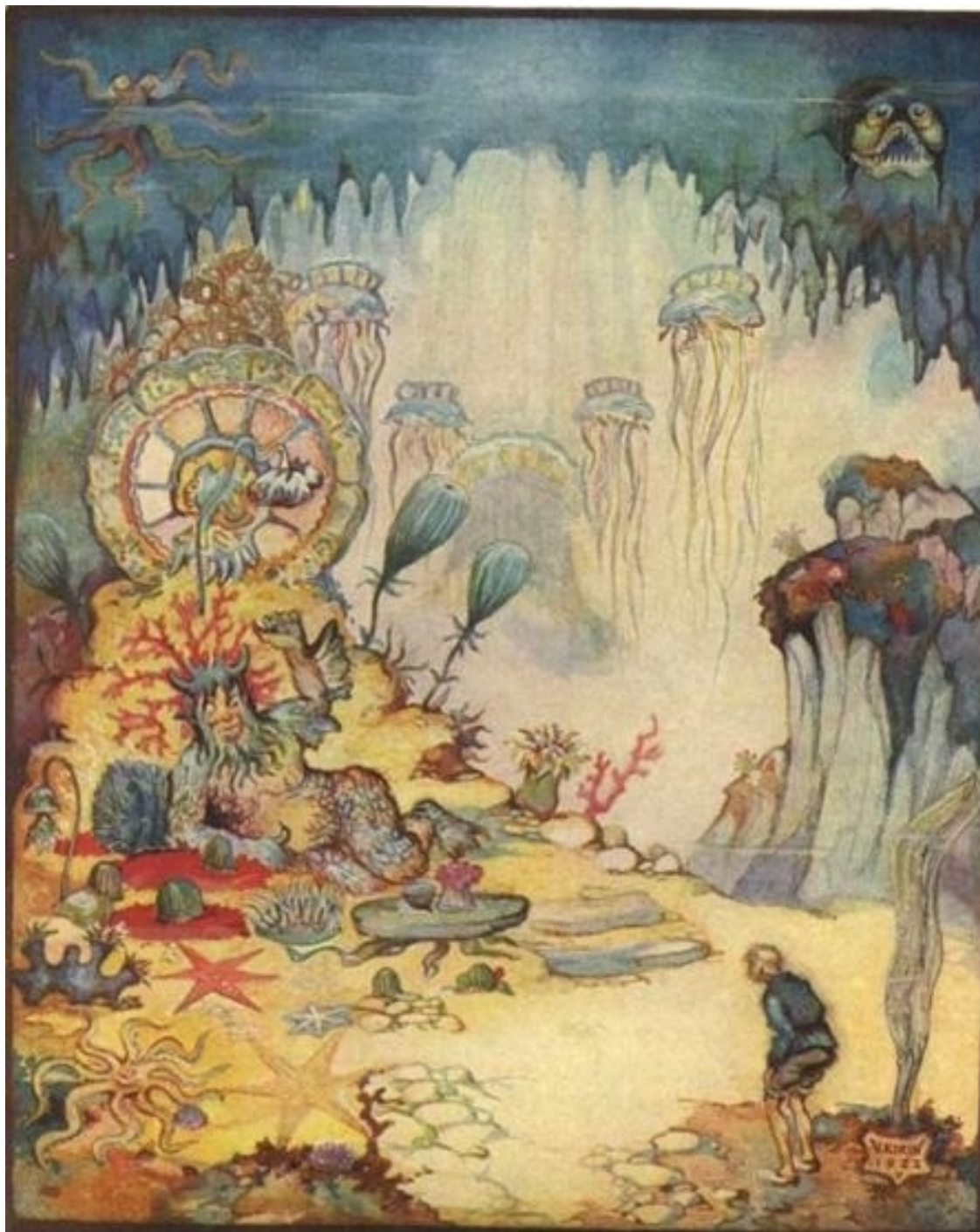
Необычайно доволен Палунко, потому что это для него совсем не тяжело. Вскикивает он на ноги легкие, и быстро собрались в чертоге и русалки и вся челядь, чтобы посмотреть на это чудо.

Разбежится Палунко по золотому песку, перекувырнется, как белка, искусно и один раз, и два, и три, а Морской Царь и вся челядь с громким смехом дивятся этому уменью.

Но милее всех смеялось некое дитя слабое; а был это царевич малый, как его в плясках и играх называли русалки. Сидит царевич в золотой колыбельке, в шелковой рубашонке. На колыбельке жемчужные бубенцы, а в руке у ребенка золотое яблоко.

Когда Палунко перекувырнулся, а царевич от всей души рассмеялся, оглянулся Палунко на него. Взглянул на царевича Палунко и остолбенел: это был его сынок, слабенький Влатко малый.

О, мгновенно это сразило Палунку. И представить себе он не мог, что это его сможет так поразить!

Нахмурился Палунко, рассердился, а немного разобравшись, подумал: «Посмотри на шалуна, куда он забрался, чтобы насладиться играми и проказами, а мать его дома от печали онемела».

Разгневался Палунко, не может ни себя ни сына видеть в этих чертогах; но не смеет ничего сказать, чтобы не разлучили его с ребенком. Решил он поэтому стать слугой при своем сыне, Влатке малом, думая: «Останусь же когда-нибудь я один на один с ребенком, напомню ребенку об отце и матери, убежим мы с ним; унесу я упрямца-сына, вернусь с ним к матери».

Так рассуждал Палунко и дождался таки дня, когда остался вдвоем с сыном, и шепнул он тогда царевичу: «Айда, сынок, бежим со мной, отцом твоим».

Но Влатко был еще ребенком совсем крохотным и так как долго пробыл в море под водой, то отца совсем забыл. Улыбнулся он, улыбнулся маленький царевич, и подумал: шутит Палунко – и толкнул Палунку ножкой:

– Ты не отец мой, ты шут, потому что перед Морским Царем кувыркаешься.

Кольнуло это Палунку в сердце, от обиды готов был он сгинуть. Отошел он и расплакался от обиды горькой. Собралась подле него челядь Царя Морского, и так один другому говорит:

– О, должно быть на земле он был настоящим вельможей, когда и среди такой роскоши плачет.

– Искренно говорю, был я таким же, как и Царь Морской. Имел я дитя, что мне в бороду цеплялось, жену, что про чудеса мне рассказывала, а лебеды, брат, сколько хочешь, не нужно было из-за нее ни перед кем кувыркаться! – говорить оскорбленный Палунко.

Дивится челядь такому богатству и не мешает Палунке тосковать по своему счастью. А Палунко остался слугой у малого царевича. Ухаживает он всячески за сынком и думает: когда-нибудь все же уговорю его бежать со мной. А царевич с каждым днем становится все необузданнее и беззаботнее и поэтому, чем больше пробегает дней, тем все за большего шута считает он Палунку.

II

Пока все это происходило, жена Палунки продолжала дома в одиночества тосковать. В первый вечер она на очаге поддерживала огонь и готовила ужин, но, не дождавшись Палунки, перестала обращать внимание на огонь и больше его не зажигала.

Сидит сирота безгласная на пороге и по дому не работает – не убирает. Не плачет она, не причитает, а лишь молча убивается в горе и тоске. Ни совета ни у кого не может она спросить, потому что лишена речи, ни пойти в море за Палунком, потому что от печали совсем ослабела.

И ничего другого не оставалось несчастной, как пойти в свои родные места, где была похоронена ее мать. Стоит она над могилой матери, и появилась перед ней прекрасная лань.

Заговорила лань немym языком.

– Не смей, дочь моя, сидеть здесь и убиваться, потому что сердце у тебя разорвется, пропадет и дом твой. Готовь каждый вечер Палунке ужин, а после ужина начинай прясть тонкую пряжу. Если не придет Палунко, то на заре возьми его ужин, мягкую пряжу, прихвати с собой еще и легкую свирель двурогую и отправляйся на прибрежные скалы к морю. Там заиграй ты в свирель, и змеи со змеенышами съедят ужин, а чайки пряжей твоей гнезда свои обложат.

Хорошо поняла дочь все, что ей мать говорила, и так и сделала. Каждый вечер она ужин готовить, а после ужина пряжу прядет. Не возвращается Палунко. Берет ранней зарею жена свирель, несет к берегу ужин и пряжу. Там она играет в свирель двурогую, и лишь заиграет нежно в правый рог, выползают из-за камней змеи со змеенышами. Наслаждаются они ужином и женщину своим немym языком поблагодарят. А заиграет она в левый рог – прилетят чайки с птенцами, разнесут пряжу по гнездам и женщину поблагодарят.

И так женщина это делала каждый день – и уж три раза возвращался месяц, а Палунка все нет да нет.

Опять тяжелая печаль охватила сироту, и она снова идет на могилу матери.

Появилась перед ней лань, а женщина ей немym языком говорит:

– Матушка, всё я сделала так, как ты мне сказала, а Палунка нет и нет. Не могу я больше ждать. Или я в море брошусь или расшибу голову о стену!

– Дочь моя, – говорит мать, – не теряй веру. Тяжкие муки терзают твоего Палунку. А ты послушай о том, как можешь ему ты помочь. В некоем неизвестном море имеется щука, рыба огромная, на щуке-рыбе золотые перья, на перьях золотые яблоки. Изловишь ли ты в новолуние щуку-рыбу – облегчишь страдания твоего Палунки. Но до моря этого неизвестного можно добраться, лишь пройдя через три ущелья из туч: в одном змея исполинская, мать всех змей, которая море волнует и валы вздымает; в другом – птица исполинская, мать всех птиц, которая грозу вызывает; в третьем – золотая пчела, которая молниями блещет и управляет. Иди, дочка, к этому морю неизвестному, не бери с собой ничего, кроме удочек и нежной свирели, а окажешься ли ты в тяжком положении, оторви свой правый рукав, белый, неподрубленный.

Запомнила все это дочь. На другой день села она в челнок и отправилась в открытое море, не взяв с собой ничего, кроме удочки и свирели двурогой. Носится и скитается она по морю, покамест не принесли ее волны к одному месту, где в море три страшные ущелья из тяжелых туч.

У входа в первое ущелье подняла голову змея грозная, мать всех змей. Ужасная голова ее весь проход заняла, а телом она в ущелье вытянулась и, махая своим исполинским хвостом, море мутит и валы вздымает.

Не осмеливается женщина и приблизиться к чудовищу, но вспомнила про свою свирель двурогую и заиграла в правый рог. Лишь только она заиграла, как из дальней каменистой стороны спеша поплыли змеи и змееныши. Приплыли поспешно змеи пестрые и мелкие змееныши и стали просить змею страшную:

– Пусти, матушка наша, женщину в челноке пройти через ущелье. Она нам много добра сделала, кормив нас на заре ежедневно.

– Через ущелье пустить ее я не могу, потому что мне сегодня нужно все море поднять, – ответила змеи страшная. – Но если она вам добро сделала, добром я ей и верну: по ее желанию – или тяжкий слиток золота или шесть ниток жемчуга дам я ей.

Не далась верная женщина на обман жемчугом и золотом и змее этой немой языком так ответила:

– Пришла я ради одной пустяковой вещи, ради щуки-рыбы из моря неизвестного. Если я тебе услугу оказала, то пропусти меня через ущелье, змея грозная.

– Пропусти, матушка наша, подхватили змеи и змееныши, – скольких из нас она кормила, скольких выкормила. А ты, мать наша, ложись и поспи немного, а мы за тебя будем море волновать.

Не могла змея противостоять соблазнам многочисленной родни, а мечтала она о сне уже тысячу лет. И пустила женщину через ущелье, а сама, страшная, вытянулась в ущелье и заснула. Но прежде чем уснуть, змеям и змеенышам приказала:

– Хорошо, дети мои, море волнуйте, пока я немного сосну.

Прошла немая женщина через ущелье, а змеи и змееныши остались в ущелье. Но вместо того, чтобы взбаламутить море, они его умирят.

Выплыла женщина, добралась до другого ущелья, а в этом ущелье птица исполинская, мать всех птиц. У входа она страшную голову вытянула, и железный клюв открыла, а огромные крылья по ущелью распростерла и крыльями машет, ветер раздувает.

Вспомнила женщина свою свирель двурогую и в левый рог заиграла. Прилетели со всех сторон серые чайки и птенцы их малые и страшную птицу просить стали, чтобы пустила женщину с челноком через ущелье, потому что она им много добра сделала, принося им ежедневно пряжу.

– Не могу я пустить ее через ущелье, потому что сегодня мне нужно большой ураган поднять. Но если она вам добро сделала, еще большим добром хочу я ей вернуть. Дам я ей живой воды из клюва железного, чтобы ожила ее речь.

Тяжело это было для несчастной немой женщины, которая и желать даже не могла, чтобы ей вернулась живая речь. Но она осталась верна себе и так сказала птице:

– Я пришла сюда не для своей выгоды, а ради пустяковой вещи: ради щуки-рыбы из моря неизвестного. Если я тебе услугу оказала, то пропусти ты меня через ущелье.

Упросили чайки мать-птицу и посоветовали еще ей пойти немного соснуть, говоря, что сами за нее будут ветер раздувать. Послушала мать-птица свою родню, повисла на железных когтях в ущелье и уснула.

А чайки и птенцы их, вместо того, чтобы ветер раздувать, стали ветер умирять.

Так немая женщина через другое ущелье проплыла и приближалась к третьему.

В третьем ущелье золотая пчела. У входа золотая пчела взлетает, блещет огненной молнией к громом гремит. Гудит море и ущелье, звенит молния в облаках.

Страх охватил женщину, когда она одна-одинешенька оказалась среди этого ужаса. Но она вспомнила про свой правый рукав: белый рукав неподрубленный оторвала, замахнулась им на золотую пчелу и пчелу рукавом изловила.

Сразу утихли гром и молния, а золотая пчела стала просить женщину:

– Пусти ты меня, женщина, на свободу. А я тебя кое-чему научу. Погляди туда, на море открытое: большую там увидишь ты радость.

Поглядела женщина на море открытое: только что начало всходить солнце, зарделась ширь небесная, зарумянилось море с востока, а из моря тотчас показался челн серебряный. В челне, как царевна светлая, ясная Заря-девица, а подле нее дитя малое в шелковой рубашке и с золотым яблоком. Заря-девица с царевичем утром по морю гуляла.

Узнала женщина сына своего исчезнувшего.

О, чудо-чудное, не будь море так широко, мать его заключила бы в объятия, не будь солнце так высоко, мать его рукой ухватила бы.

Затрепетала она от великой радости и дрожит, словно осина тонкая. Не знает – или дитятке руки протянуть? Или его нежным словом позвать? Или уже лучше на него до конца века глядеть!

Плывет серебряный челн по морю зарумянившемуся, вдали челн скрылся, под воду челн нырнул, а мать едва лишь опомнилась.

– Я тебе укажу путь, – говорит женщине золотая пчела. – Доберешься ты до царевича малого, до сына твоего, и будешь с ним в счастье жить! Но прежде пусти меня на свободу, чтобы я могла в ущелье молниями блистать, и не смей через ущелье проходить.

Печаль горькая несчастную мать охватила, охватила и взволновала. Чадо свое родное она увидела, желание свое неусыпное узрела – узрела, увидела, а не обняла, не расцеловала! Взволновала печаль женщину, и поколебалась она: искать ли дальше Палунку или оставить? Отпустить ли пчелу и к сынку своему добраться или же через ущелье пройти к морю неизвестному, к щуке-рыбе огромной?

Но как только печаль ее взволновала, так у нее слезы от сердца отхлынули, так ей и живая речь вернулась, и живым словом она пчеле проговорила:

– Не печаль меня, золотая пчела! Не пушу я тебя на свободу, потому что должна я через ущелье пройти. Свое чадо родное я выплакала и в сердце своем похоронила. Сюда пришла я не ради своего счастья, но из-за одной малой вещи: ради щуки-рыбы из моря неизвестного.

Так женщина говорила и в ущелье вплыла. В ущельи она задержалась, в челноке отдохнула, ночь новолуния стала ожидать.

О, родные мои, сколь сегодня море тихим стало, а бури утихли там, где в одном ущелье спит змея грозная, в другом птица исполинская, а в третьем женщина утомленная!

Так тихо день проходил, приближался вечер, а там и молодой месяц взошел. Когда месяц высоко на небе поднялся, женщина в полночь приплыла в море неизвестное и посередь моря удочку спустила.

III

Вечером приказал царевич малый Палунке сплести хорошие вожжи шелковые. «Завтра ранней зарею запрягу я тебя в коляску, чтобы возил ты меня по золотому песку».

Это было уже слишком для Палунки. До сих пор ему удавалось скрываться от Зари-девицы, когда она утром в море спускалась, а завтра она увидит, как сын его запряг в коляску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.